

Деннис С. Мюллер, Роберт Д. Толлисон и Томас Д.
Виллетт

УТИЛИТАРИСТСКИЙ КОНТРАКТ: ОБОБЩЕНИЕ ТЕОРИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ РОУЛЗА*

DENNIS C.MUELLER, ROBERT D.TOLLISON AND THOMAS D. WILLET
THE UTILITARIAN CONTRACT: A GENERALIZATION OF RAWLS' THEORY
OF JUSTICE

Резюме. В ряде своих главных статей, нашедших свою кульминацию в «Теории справедливости»,¹ Джон Роулз создает альтернативу утилитаризму, разрабатывая теорию общественного договора, моральной и политической философии. К сожалению, Роулз формулирует два основных принципа, на которых строится теория таким образом, чтобы ограничить (необоснованно) применимость контрактной теории (см. раздел I). В этой статье мы представляем более общее обсуждение теории справедливости, которое обходит проблему формулировки Роулза, но сохраняет важную идею теории справедливости как беспристрастности и контрактарианский подход (раздел II). Далее утверждается, что эта более общая теория образует мост между чистыми утилитаристскими теориями и доктринами общественного договора (разделы V и VI). Преимущества теории показаны с помощью применения ее к обсуждаемой Роулзом проблеме равенства между поколениями и сопоставлению двух решений (раздел III). Дальнейшие сравнения и выводы представлены в трех заключительных разделах.

I. КРИТИКА ПРИНЦИПА РАЗНОСТИ

Роулз разделяет процесс коллективного принятия решений на 4 этапа: (1) общественный договор, (2) конституция, (3) зако-

* Не вовлекая их, мы хотели бы поблагодарить Джеймса М. Бьюкена и Давида Лайоса за комментарии по поводу ранней версии статьи.

¹ John Rawls, *A Theory of Justice*, Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1971. Дальнейшие ссылки на книгу помещены в скобки. Некоторые основные идеи Роулза были представлены раньше в статье «Justice as Fairness», *The Philosophical Review* 57 (1958), 164–94.

нодательство, (4) судопроизводство и администрация (pp. 195–201). Общественный договор – набор правил, охватывающих фундаментальные принципы построения общественных отношений: справедливость, честность, равенство, естественные обязанности etc. Общественный договор есть абстрактное воплощение этих принципов, а «процедура контрактных теорий в таком случае есть основной аналитический метод для сравнительного исследования идей справедливости» (p. 121).

Индивиды начинают с исходного положения, в котором они в данный момент равны и не уверены относительно будущих положений (см. в особенности главу 3). Предполагается, что они способны к проведению *Gedankenexperiment*, в котором лишены знания собственных характеристик (напр., вкусов, экономического положения, возраста, поколения), а также не имеют собственных концепций общего блага или особенных психологических черт, таких как отношение к риску, склонность к оптимизму или пессимизму.² Предполагается, что эти взаимно беспристрастные индивиды знают «основные факты» об обществе. Результатом эксперимента является то, что все рациональные, эгоистические индивиды принимают один и тот же набор справедливых принципов в качестве общественного договора.

Единогласие в исходном положении достигается потому, что все убеждены с помощью одного и того же аргумента и, «следовательно, мы можем наблюдать выбор в исходном положении с точки зрения взятого наугад человека» (p. 139). В сущности, нет проблемы достижения единогласия, так как индивиды предполагаются лишенными специфических персональных характеристик и обладают идентичной общей информацией о самих себе; следовательно, существует единственный принимающий реше-

² Позже (p. 159) Роулз замечает, что некоторые философы считали, что исходные этические принципы должны быть независимы от всех случайных допущений. Он критикует это точку зрения как предполагающую, что люди в исходном положении не знают о себе ничего. Тем не менее кажется, что именно такова природа его допущений касательно индивидуумов в их исходном положении.

Позже Роулз также говорит (p.160), что нельзя обходиться без концепции блага, на основе которой индивиды ранжируют альтернативы. Однако представляется, что это несовместимо с его обсуждением исходного положения.

ние и таковым является каждый. Таким образом, проблемы достижения единодушного согласия по общественному договору в исходном положении не существует.³

Роулз предпринимает много усилий в попытке показать, что следующие два принципа появятся из исходного положения:

Первый: каждый человек должен иметь равное право на наиболее полные основные свободы, совместимые с аналогичными свободами для других (р. 60).

Второй: социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы (а) наибольшую выгоду от них получал наименее обеспеченный и чтобы (б) в приложении к должностям и служебным положениям они обеспечивали для всех условия справедливого равенства возможностей (р. 84).⁴

Эти два принципа видятся как особая концепция справедливости, выведенная из воплощенной в следующем принципе общей концепции справедливости:

Все общественные ценности – свобода и возможности, доходы и богатство, основы самоуважения – должны быть распределены поровну, если только неравное распределение одной из них или всех их не обернется выгодой для всех и каждого.

³ Роулз обвиняет (р. 141) утилитаризм в том, что он «ошибочно распространяет принцип индивидуального выбора до выбора, с которым сталкивается общество». Как указано в тексте, он делает то же самое в своем определении исходного положения.

В некоторых случаях Роулз поднимает вопрос о том, что происходит в исходном положении, если нет общего согласия (см. в особенности pp. 142–150) в отношении концепции справедливости или в других вопросах. Один из способов разобраться с этой проблемой заключается в том, чтобы просто исключить некоторые возможные обмены (например, между основными свободами и экономическими и социальными благами). Это действительно выходит за рамки обсуждения, если принять во внимание определение Роулзом исходного положения. В самом деле, Роулз не проявляет никакого желания рассматривать альтернативные модели конституционного выбора, в которых индивидуальны и единоклассные трудно достижимо и где ограничение набора конституционных альтернатив могло бы быть весьма полезным.

В разделе V мы рассматриваем этот вопрос далее в контексте обсуждения различных типов исходных положений или конституционных оснований, которые были рассмотрены в литературе.

⁴ Эти два принципа обсуждаются и определяются снова и снова во множестве мест (например, pp. 60–83 и pp. 150–88).

На протяжении большей части своей книги Роулз сосредоточен на особой концепции справедливости, в которой два принципа рассматриваются отдельно и последовательно, т. е. первому принципу отдается предпочтение по сравнению со вторым, и ничья свобода не может быть ущемлена даже в обмен на экономический выигрыш каждого. Он оправдывает это лексикографическое упорядочивание двух принципов на тех основаниях, что в обществе преобладает состояние умеренной редкости (р.127). Таким образом он предполагает некое достаточно богатое общество, могущее *позволить себе* приоритет свободы над экономической выгодой (р. 152). Мы дадим несколько комментариев относительно лексикографического упорядочивания этих двух принципов в разделе IV. В этом разделе, однако, наше внимание сосредоточено на Роулзианской защите второго принципа – принципа разности.

Принцип разности требует выборов, которые всегда делаются таким образом, чтобы максимизировать ожидаемое положение наименее благополучного индивида. Обсуждая эту концепцию, Роулз обнаруживает тождественность ее максиминной стратегии в теории игр и предполагает высшую степень несклонности к риску, что может быть хорошо видно из следующего примера. Предположим, индивид может купить шанс сыграть в некую игру, где выигрыш составит \$200, если выпадет орел, и ничего, если выпадет решка. Нейтральный к риску индивид заплатит \$100, с тем чтобы сыграть в игру, т. е. ожидаемую ценность ее исходов. Склонный к взятию риска на себя заплатит бы более \$100, а не склонный – меньше. Но индивид должен быть в крайней степени не склонным к риску, чтобы вообще ничего не заплатить за участие в игре (скажем, ни единого пени). Тем не менее именно это поведение диктует максиминная стратегия. Заплатить хоть что-либо и проиграть всегда хуже, чем избежать игры. В более общем смысле, максиминный стратег заплатит только L долларов за шанс сыграть в игру ($p: W, L$), где p – вероятность выиграть W и $(1 - p)$ – вероятность выиграть L . Его выбор будет независим от значений W, L и p . Максиминный стратег никогда не будет брать риск проигрыша, каким бы малым он не был по сравнению с выигрышем и как бы ни велика и высока была вероятность последнего.

Примененный к общественному договору или к проектирующему конституцию решению, этот принцип требует, чтобы каж-

дый индивид выбрал набор правил, которые максимизируют благосостояние наименее благополучных граждан в будущих поколениях. Он будет игнорировать уровни благосостояния всех прочих граждан и любую информацию, даже общего порядка, которая могла бы привести его к оценке вероятности самому стать одним из наименее обеспеченных граждан.⁵

Роулз (вслед за Фелнером) пытается оправдать максиминную стратегию в общественном договоре и (неявно) конституционные стадии на трех основаниях: (1) принимающий решение не знает и, следовательно, не учитывает вероятности различных исходов, (2) он расценивает выгоды сверх минимального платежа как незначительные и (3) он рассматривает наихудшие потенциальные исходы при других решениях как неприемлемые (с. 154). Однако, выбор максиминной стратегии не обязательно вытекает из этих трех аргументов.

Роулз доказывает, что в исходном положении «...вуаль неведения исключает все, кроме смутного знания вероятности. Стороны не имеют основы для определения вероятностной природы общества или своего места в нем» (с. 155). Индивиды могут осторожничать с вычислениями вероятности, если для них открыт какой-либо иной путь. Но это огромный скачок от осторожности в вычислениях вероятности к стратегии, в которой индивиды ведут себя так, как если бы они были на 100 % уверены в худшем результате.

Это простое отсутствие объективных вероятностных оценок недостаточное условие для утверждения, что максиминная

⁵ Роулз странным образом не воздает должное Сену за разработку стандартной критики принципа разности, утверждающей, что он является особым (и маловероятным) случаем максимизации ожидаемой полезности в условиях неопределенности. См.: Amartya K. Sen, *Collective Choice And Social Welfare*, Holden-Day, San Francisco, 1970, pp. 135–41. Тем не менее он отчетливо понимает, что выбор между его принципами и некоторой концепцией средней полезности, возможно, есть центральная проблема в его теории (р. 150). Он признает, что максимин не является подходящим ориентиром при выборах в условиях неопределенности, но продолжает утверждать, что «...он привлекателен в ситуациях, характеризующихся особыми обстоятельствами» (р. 151). Его цель показать, что его определение исходного положения включает эти особые обстоятельства, при которых максимин является рациональным правилом принятия решения.

стратегия – единственное рациональное правило принятия решений. Несмотря на то что неопределенность относительно возможностей успеха или неудачи может усилить стремление избежать риск, она не отвратит от риска полностью. Если наш гипотетический игрок будет предупрежден о том, что подбрасываемая монета тенденциозна каким-либо непредсказуемым образом, то он мог бы сделать более низкую ставку, но не обязательно отказался бы от игры, как предполагается согласно максиминной стратегии.

Во втором доводе в защиту принципа разности Роулз ограничивает его применимость ситуациями, в которых выгоды для остальных членов общества, полученные в результате других правил принятия решений, незначительны. Данное обоснование максиминной стратегии оставляет открытым вопрос о том, какие принципы управляют справедливым обществом, когда выгоды для других граждан при иных правилах принятия решений не столь малы. А также какой критерий используется для того, чтобы определить, когда выгоды действительно малы для того, чтобы их проигнорировать, а когда – нет. Роулз признает эту трудность на р. 157, сопровождая ее следующим примером:

<i>Стратегии</i>	<i>Состояния</i>	
	0	n
	$1/n$	1

При наличии этих двух платежей максиминный стратег всегда выберет второй. Однако высокое значение n непременно делает такое поведение невероятным. Роулз обходит этот контрпример утверждая, что «частично ответ заключается в том, что принцип разности не предназначен для применения к столь абстрактным возможностям».

Тем не менее возможности того, что n в исходном положении достаточно велико, на самом деле не так абстрактны. Например, как далее будет обсуждаться в разделе III, решения должны приниматься по поводу межпоколенческого равенства и общественного уровня сбережений. Это немаловажное решение и применение роулзианского принципа разности подразумевает, что общество не делает ни чистых сбережений, ни расходов ранее сделанных. Решения о налогообложении и перераспределении также принимались бы в исходном положении, и они не

были бы абстрактными возможностями, где выигрыши для других граждан при альтернативных правилах принятия решения малы.

Что касается другой части ответа, то он предполагает «возможности, которые предусмотрены возражением, не могут возникнуть в реальных случаях; достижимый набор настолько ограничен, что они исключены» (р. 158)⁶. Без какой-либо демонстрации, что примеры такого рода вряд ли возникнут в реальных ситуациях (а ни один не приводится), общая применимость этой теории ставится под вопрос. Более того, неопределенность вводится требованием, чтобы были четко очерчены и исключены ситуации, в которых *большие* выгоды сверх определенного минимума были бы принесены в жертву и/или худшие потенциальные исходы не являются неприемлемыми альтернативами тем, что выбраны в соответствии с принципом разности.⁷

Как замечено ранее, принцип разности игнорирует информацию, касающуюся альтернативных платежей для всех граждан, за исключением худших при каждой стратегии. Тем не менее второй и третий доводы в защиту принципа разности ставят Роулза в курьезное и в некоторой степени противоречивое положение – используется информация об относительных платежах для различных граждан как оправдание выбора правила принятия решения, которое в дальнейшем игнорирует эту самую информацию.

Казалось бы, что общая информация о платежах для всех граждан является либо доступной, либо недоступной. Если она доступна, тогда роулзианская защита принципа разности на тех основаниях, что он требует меньше информации, не имеет значения (с. 320–21). Если же информация недоступна, то типы ситуаций, к которым принцип применим и к которым нет, невозможно разделить и остается доверять судьбе в том, что она обеспечит набор тех состояний, которые утверждают его применимость.

⁶ Забавно, что всего двумя страницами далее Роулз критикует утилитаристов за прибежание к точно такому же способу исключения затруднительных случаев и защищает свой собственный подход на основании его более общей применимости (р. 160).

⁷ Об этом см. также David Lyons, 'Rawls Versus Utilitarianism', *Journal of Philosophy* 69 (Oct. 5, 1972), 535–45.

Учитывая третье обоснование применимости принципа разности в исходном положении, Роулз утверждает, что «третий довод имеет силу, если можно предположить, что другие концепции справедливости могут привести к институтам, которые стороны сочтут недопустимыми» (р. 156). Роулз использует пример рабства. Этот пример, однако, не доказывает это утверждение, как показал Лайонс.⁸ Теория Роулза позволит существовать рабству, если уровень экономического развития недостаточен для поддержки особой концепции справедливости, если рабство было бы к выгоде для всех. И нет причин ожидать, чтобы утилитаризм не отверг бы рабство при более благоприятных экономических условиях умеренной редкости, необходимых для гарантии того, что принцип разности отвергает рабство. Утилитарист может также устранить затруднительный случай с рабством, просто прибегнув к роулзианскому способу устранения теоретически сложных случаев (напр., ситуация $1/n$, приведенная выше), а именно исключив такие результаты из набора альтернатив.

Таким образом, с нашей точки зрения, Роулз не дает адекватного обоснования своему утверждению, что «исходное положение определено так, что это есть ситуация, в которой применяется максиминное правило». Как говорилось выше, это, возможно, неправильно, кроме того, это не есть ни хорошее, ни выполнимое определение исходного положения, о чем будет сказано в разделах II и V.

II. УТИЛИТАРИСТСКИЙ КОНТРАКТ

Вся вышеизложенная критика роулзианской защиты принципа разности может быть устранена предположением, что индивидуумы в исходном положении максимизируют свои ожидаемые полезности. При разработке модели утилитаристского контракта мы сделаем ряд тех же предположений относительно индивидов, что делает Роулз. Они рациональны, эгоистичны и не испытывают зависти. Мы не делаем никаких особых предположений о благожелательности. Для начала предположим, что каждый индивидуум обладает всей информацией *общего* характера, что существует на тот момент, когда он становится договаривающейся стороной. Таким образом, в исходном положении, когда заключается обществен-

⁸ 'Rawls Versus Utilitarianism', 539–43.

ный договор, он знает состояние естественного, политического, социального и экономического развития общества. Он знает вкусы всех граждан в отношении товаров первой необходимости, а также их отношение к риску. Тем не менее он не обладает информацией о конкретных индивидуумах. В частности, он не знает, каковы будут его собственный доход в условиях различных возможных моральных и политических институтов, которые он может выбрать, его собственные вкусы относительно товаров первой необходимости, его собственное отношение к риску. Когда сравниваются две теории, то мы ослабляем предположения об объеме общей информации, доступной в исходном положении.

Справедливость представляется почти в таком же виде, в каком ее привлекает Роулз. Находясь в неведении относительно своего собственного положения и предпочтений, каждый индивидуум действует так, как если бы он имел одинаковые шансы стать любым из граждан в обществе. Он заимствует их вкусы, примеряет на себя их экономическое и социальное положение и придает коэффициенты полезности для каждого индивида так, как если бы это был он сам. Он делает это для каждого возможного состояния мира (общественного договора). Затем он выбирает то состояние, которое максимизирует его ожидаемую полезность, допуская при этом, что он имеет равную возможность быть любым из граждан.⁹

Проиллюстрируем это. Предположим, что есть два индивидуума и три возможных состояния (общественных договоров), приносящие уровни полезности для двух индивидуумов, как в табл. 1.

Таблица 1

	S_1	S_2	S_3
I_1	100	60	40
I_2	0	30	40
W	50	45	40

⁹ Джон Харсаньи делает явное допущение о том, что функции индивидуальных предпочтений удовлетворяют постулатам кардиналистской полезности фон Н്യюмана–Моргенштерна. Далее он доказывает, делая некоторые дополнительные слабые допущения, что это правило принятия решения составляет функцию общественного благосостояния. См. его 'Cardinal Welfare, Individualistic Ethics, and Interpersonal Comparisons of Utility', *Journal of Political Economy* 63 (August, 1955), 309–21.

Индивидуум, предполагающий, что обладает равной вероятностью быть либо I_1 , либо I_2 , будет оценивать свою ожидаемую полезность или благосостояние при трех состояниях, как в ряду W . Таким образом, он выберет ряд S_1 , как общественный договор, обещающий самую высокую ожидаемую полезность. Это результат применения подхода Харсаньи.¹⁰

Можно возразить, как это делает Амартиа Сен, «что в рамках общественного выбора нас интересуют не только неперсонифицированное математическое ожидание благосостояния, но также и конкретное распределение этого благосостояния между индивидами».¹¹ Утверждать, что S_1 предпочтительнее, все равно что предполагать, что принимающий решение в исходном положении занимает, в сущности, нейтральную к риску позицию относительно того, быть ему I_1 или I_2 . Очевидно, что несклонный к риску индивид мог бы предпочесть S_2 или S_3 .

Это обоснованная критика подхода Харсаньи, которая представляет то, что Роулз определяет как «принцип среднего». Нет необходимости в том, чтобы ответом на эту критику было обращение к максиминному правилу. Вместо этого представляется, что более в духе демократического контрактарианского подхода, когда сравниваются различные состояния с использованием собственных функций риска граждан.

Если каждый индивид в исходном положении произвел подобные расчеты, используя свои *текущие* предпочтения относительно риска, то он может получить столько различных вариантов выбора, сколько имелось отношений к риску.¹² Таким образом, полное совпадение взглядов в исходном положении могло бы быть нарушено из-за выбора индивидами различного отношения к риску. Еще в большей степени отвечает роулзианскому изображению исходного положения предположение, что отношение к риску каждого гражданина скрыто от него вуалью неведения, но что он знает отношение к риску будущих граждан. Рациональный индивид в исходном положении может вполне ра-

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ *Op. Cit.* p. 143.

¹² Именно к этому в основном и сводится критика модели Харсаньи, высказанная в: Prasanta K. Pattanaik, 'Risk, Impersonality, and the Social Welfare Function', *Journal of Political Economy* 76 (November, 1968), 1152–69.

зумно максимизировать свою ожидаемую полезность, предполагая, что для него одинаково вероятно обладать отношением к риску любого будущего гражданина.

Чтобы это проиллюстрировать, предположим, что один из наших будущих граждан избегает любого риска, другой – нейтрален по отношению к риску. Оценивая три возможных состояния с использованием нейтральных к риску предпочтений, получим простые утилитаристские исходы, представленные строкой U в табл. 2. Некто с «нормальным» избеганием риска мог бы оценить три положения так, как это представлено в строке N . Если предположить, что конкретный индивидуум с одинаковой вероятностью может оказаться любым из них, то ожидаемое благосостояние окажется в строке W^1 . S_1 снова обещает более высокое ожидаемое благосостояние, хотя его превышение над прочими уменьшилось.

Таблица 2

	S_1	S_2	S_3
U	50	45	40
N	35	40	40
W_1	42,5	42	40

Можно возразить *a'la Sen*, что простое усреднение нейтральных к риску и несклонных к риску функций предпочтения явно сместит исход в пользу нейтрального к риску решения. Точно так же, как некто несклонный к риску не смог бы остаться равнодушным к проблеме выбора между получением наверняка 50 единиц полезности или равными шансами оказаться I_1 или I_2 при S_1 ; он также не мог бы безразлично выбирать между гарантированным получением 42,5 ютилей и равными вероятностями оказаться U или N .

Эта критика может быть убедительной для кого-то, хотя для нас она звучит менее убедительно, чем когда она была продемонстрирована впервые. Ибо выбор S_1 на основе исходов из табл. 2 базируется на равном (беспристрастном) взвешивании всех отношений к риску. Тем не менее если ощущается, что это единственное усреднение придает слишком большой вес простому утилитаристскому выбору, то процесс усреднений может быть повторен. Различные общественные состояния могут быть оценены с помощью функций будущего риска при допущении, что некто имеет

одинаковую вероятность быть U или N . Утилитаристский исход при таком усреднении представлен строкой U^1 , а нормальное несклонное к риску решение как N_1 в табл. 3. Теперь, когда посредством второго усреднения придан больший вес несклонному к риску предпочтению, вычисление равной вероятности ожидаемых полезностей дает S_2 в качестве предпочитаемого общественного договора. Усреднения могут продолжаться, но теперь ясно, что элементы в каждом столбце сходятся к различным величинам и что сходящееся решение для столбца S_2 будет больше, чем для любого из двух других столбцов.

Таблица 3

	S_1	S_2	S_3
U^1	42,5	42,5	40
N^1	40	42	40
W^2	41,25	42,25	40

Таким образом, единодушное согласие по общественному договору, включающее в себя отношения граждан к риску, может быть достигнуто, если возможно достижение соглашения о придаваемых каждому предпочтению риска весах или количестве повторений эксперимента по усреднению. Это повторное усреднение увеличивает веса, придаваемые более несклонным к риску предпочтениям, и может быть ясно представлено посредством предположения, что один будущий гражданин является максимином. Таблицы 4 и 5 представляют вычисления, сходные с имеющимися в табл. 2 и 3, при допущении, что имеются три предпочтения риска: два рассмотренных ранее плюс экстримально несклонный к риску, придерживающийся максиминного или разностного принципа (строки D и D_1). Даже после двух итераций становится ясно, что S_3 будет предпочтительным состоянием. Более того, значения W для трех столбцов сходятся к 0, 30 и 40 и соответственно являются максиминными значениями. Это имеет место потому, что макиминер принимает во внимание только минимальные значения, когда два другие предпочтения придают некоторый вес всем значениям. Повторенное усреднение трех функций предпочтения должно придать больший вес максиминальному исходу в финальном исходе.

Таблица 4

	S_1	S_2	S_3
U	50	45	40
N	35	40	40
D	0	30	40
W_0^1	28,33	41,67	40

Таблица 5

	S_1	S_2	S_3
U	28,33	41,67	40
N	22,67	36,33	40
D	0	30,00	40
W_0^1	17,00	36,00	40

Таким образом, роулзианское максиминное решение возникло бы при утилитаристском контракте, только если были бы удовлетворены два условия: по крайней мере один будущий гражданин имеет максиминные предпочтения и этим предпочтениям через повторяемые усреднения придается полный (единственный) вес.

Подведем итоги. Набор возможных подходов к усреднению индивидуальных полезностей может иметь место в формировании утилитаристского контракта. С позиции одной крайности некто может просто усреднить полезности, придавая равные веса каждой. Это простое утилитаристское решение тождественно игнорированию любых несклонных к риску отношений в формулировании контракта и придаче полного веса нейтральному к риску исходу. Отношения к риску будущих граждан могут быть включены путем оценки всех будущих состояний при каждом отношении к риску и усреднении коэффициентов. Если усреднение было произведено лишь однажды и выбрано состояние с самым высоким коэффициентом, процесс принятия решения тождествен приданию равных весов каждому отношению к риску. Повторяемое усреднение будет придавать возрастающие веса наиболее несклонным к риску предпочтениям.

Роулз возражает против предположения о максимизации ожидаемой полезности как в простой, так и расширенной форме на следующих основаниях. С одной стороны, он утверждает, что желательно избегать «усложненных теоретических аргументов при выведении общественной концепции справедливости» и что «в сравнении с аргументацией в пользу этих двух принципов основания для критерия полезности посягают на это ограничение» (pp.160–161). Это не кажется уместным возражением против максимизации ожидаемой полезности, так как теоретические подтверждения его принципов вряд ли являются несложными. Действительно, теоретический эксперимент по максимизации ожидаемой полезности с одним усреднением отношений к риску многим покажется не более сложным, чем тот, что предложен Роулзом для исходного положения.

Тем не менее в основном Роулз возражает против принципа усредненной полезности, утверждая, что индивиды в крайней степени несклонны к риску, когда знание о вероятностях ничтожно, а решения принимаются для потомков. «Необходимо не позволить выбранным принципам зависеть от определенных отношений к риску» (р. 172). Если даже согласиться со взглядами Роулза в том, что это существенное свойство общественного договора, то остается неясным, чем на таком основании утилитаристский договор хуже роулзианского. Утилитаристский контракт действительно зависит от предусматриваемых предпочтений в отношении риска всех будущих граждан, но он имеет идеально общий характер, позволяя этим предпочтениям принять любую доступную воображению форму и допуская любой набор весов, с которым все могут согласиться. Роулзианский контракт свободен от всех «особых» отношений к риску только потому, что принуждает всех участников принять стратегию максимального уклонения от риска.¹³

¹³ Далее Роулз доказывает, что «принцип полезности, по-видимому, требует, чтобы кто-то пожертвовал лучшими жизненными перспективами ради других лиц» (р. 180) без намека на признание того, что то же относится и к его принципу.

Кажется также, что Роулз в некоторых случаях путает *ex ante* и *ex post* интерпретации принципа среднего. (См. его рассуждения об Эджуорте, р. 170.) Он подвержен стемлению нападать на применение *ex post* там, где уместным вопросом является применение *ex ante*. Например, он утверждает, что «любые дополнительные преимущества, которые могли бы быть выиграны с помощью принципа полезности, очень

В рамках утилитаристского контракта каждый индивид в исходном положении обладает одинаковой общей информацией относительно вкусов и положений и остается в неведении относительно своих собственных характеристик. Таким образом, все должны одинаково оценить возможные состояния и единодушное согласие по общественному договору будет достигнуто. Этот подход является утилитаристским из-за требования расчета полезностей для каждого индивида при всех возможных институтах. Он является контрактарианским (в ограниченном смысле гомогенных индивидов и одинаковых этических весов для каждого) по причине требования, чтобы единодушное согласие всех индивидов достигалось путем беспристрастного взвешивания выгоды каждого гражданина при альтернативных общественных порядках. Вовлечение информации о предпочтениях в отношении риска в процесс принятия решения через усреднение обеспечит то, что простой утилитаристский результат в виде наивысшей арифметически средней полезности не будет получен.

III. СРАВНЕНИЕ РОУЛЗИАНСКОГО И УТИЛИТАРИСТСКОГО КОНТРАКТОВ: ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОСТИ МЕЖДУ ПОКОЛЕНИЯМИ

Говоря о справедливости между поколениями, Роулз сталкивается с дилеммой. Непосредственное применение принципа разности потребовало бы, чтобы общество не осуществляло никаких чистых сбережений или расходов сбережений, так как любое положительное сбережение, вероятно, увеличит благосостояние самого бедного в следующем поколении за счет снижения благосостояния самого бедного в текущем поколении. Рас-

проблематичны, в то время как трудности в случае, если все пойдет плохо, невыносимы» (р. 175). Здесь он, кажется, не признает различий между ситуациями до факта и после факта что если даже все пойдет плохо, избегание риска любой ценой не может быть оправдано в исходном положении. Дальнейшее обсуждение концепций равенства *ex ante* и *ex post* можно найти в: M. V. Pauly и T. D. Wollett, 'Two Concepts of Equity and Their Implications for Public Policy', *Social Science Quarterly*, June 1972; также D. C. Mueller, R.D. Tollison, and T. D. Willett, 'On Equalizing the Distribution of Political Income', *Journal of Political Economy* **82** (March/April, 1974), 414–22.

ходование же сбережений приведет к обратному. Таким образом, если справедливое общество последовательно применяет принцип разности, то в нем не будет сделано чистых сбережений, не осуществится рост и оно останется на низком уровне экономического развития.

Роулз неудовлетворен таким выводом из своей теории; он стремится обойти его, делая предположение, что каждое поколение признает семейные узы, связывающие его со следующим, и вовлекается в положительное чистое сбережение из отеческой заботы о порождаемом им поколении. В то же время сохраняет предположение, что любой индивид в исходном положении может рассматриваться как принадлежащий к любому поколению (pp. 284–93). Его довод кажется надуманным. Почему Роулз рассматривает только родительскую заботу о потомках? Почему отсутствует такая же забота детей о родителях? Некто находящийся в исходном положении тогда рассматривал бы себя как родитель и как ребенок и снова выбирал бы нулевой уровень сбережений. Если подходить более фундаментально, то это предположение отделяет решение об уровне сбережений от двух принципов справедливости и ставит себя в зависимость от естественной привязанности одного поколения к следующему.¹⁴ Какой бы ни была поведенческая достоверность этого постулата, он в значительной мере устраняет важный вопрос о справедливости между поколениями из теории справедливости.

Напротив, справедливость между поколениями может рассматриваться в модели максимизации ожидаемой полезности, не обязательно приводя к нулевому уровню сбережений. Индивид в исходном положении мог бы предположить, что он имеет равную вероятность принадлежать к любому поколению и выбрать, приняв предварительно решение о предпочтениях в отношении риска, такой набор норм сбережения, который максимизирует

¹⁴ На этом основании ряд экономистов оправдывают государственное вмешательство с целью содействия более высоким сбережениям. См., напр.: Amartya K. Sen, 'On Optimising the Rate of Saving', *Economic Journal* 71 (September, 1961) 479–496; также 'Isolation, Assurance and the Social Discount Rate', *Quarterly Journal of Economics* 81 (February, 1967), 122–124. См. также Stephen A Margiin, 'The Social Rate of Discount and the Optimal Rate of Investment', *Quarterly Journal of Economics* 77 (February, 1963), 95–111.

его ожидаемую полезность. Крайняя степень несклонности к риску максиминного типа приведет к нулевым сбережениям, но допускаются и иные возможности.

Проиллюстрируем это простым примером с двумя поколениями. Варианты потребления для двух поколений изображены границей потребительских возможностей CC (рис. 1). Каждая точка на CC представляет уровень текущего потребления C_t и обусловленный им уровень будущего потребления C_{t+1} . Отрицательный наклон CC подразумевает, что будущее потребление возрастет, если текущее снизится, т. е. путем сбережений и инвестиций. Кривая изображена вогнутой к началу координат, чтобы показать убывающую отдачу от инвестиций. Если общество просто поддерживает современный чистый запас капитала и его чистые сбережения равны нулю, то мы допускаем, что его потребление равно 100 в обоих поколениях и представлено точкой D .¹⁵ Точка D будет выбрана согласно принципу разности. D предпочтительна всем левее или ниже dd , так как они предполагают меньшее потребление по крайней мере в одном периоде. Никакие другие точки не достижимы, так что точка D становится оптимальной аллокацией. Заметим, что все точки на или выше dd предпочтительнее D , а принцип разности создает лексикографическое упорядочивание всех точек на рис. 1. Нейтральный к риску индивид безразличен относительно любой комбинации уровней потребления, дающих в сумме одно и то же. Его кривая безразличия – прямая линия, обрующая с осями угол в 45° ; и он выбирает точку U , где наклон границы возможного потребления равен $-1,0$. В этой точке предельная отдача от капиталовложений равна нулю. Мы ввели эту точку U при предположении, что это решение принимает наивный утилитарист. Предполагая, что предельная отдача от инвестиций в начальной точке D положительна, а U находится слева от D , имеют место положительные сбережения, если те, кто принимают решения, нейтральны к риску.

Между двумя случаями нейтральности к риску (U) и максиминного устремления избежать риска (D) существует широкий диапазон выборов, которые может сделать индивид с «нормальной» несклонностью к риску. Некоторые положительные сбере-

¹⁵ Так же как и Роулз, мы игнорируем вопрос происхождения запаса капитала и делаем допущение о входе в настоящем времени. (р. 140, 292).

жения появляются в более нормальных случаях. Их величина зависит как от степени несклонности к риску в индивиде, так и вида границы возможного потребления. Заметим, что пока граница возможного потребления вогнута к началу координат, т. е. имеет место убывающая отдача от инвестиций, общество не выберет расходование сбереженного, так как отдача от единицы сбережений всегда превышает отдачу от единицы расхода сбереженного.

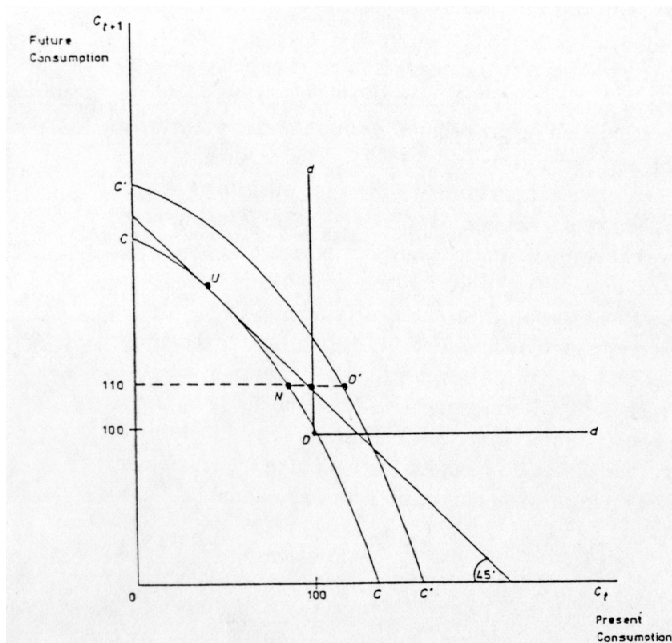

Рис. 1.

Предположим, что общество выбирает точку N . Сбережения и инвестиции, подразумеваемые этим выбором, сдвигают возможное потребление далее, скажем, в $C'C'$, и новая исходная точка D' окажется на более высоком уровне потребления. Вновь риск между текущим и будущим потреблением может быть взвешен и процесс повторен. Если имеется убывающая отдача от инвестиций с течением времени, абсолютная величина наклона графика CC' убывает по мере того, как общество переходит в последующие точки D' , а D , N и U сближаются. Существуют две возможности. D , U и N могут все со временем сойтись в одной точке

и тогда общество входит в стабильное состояние с нулевой предельной отдачей от инвестиций и нулевыми сбережениями. В противном случае U может слиться с D прежде, чем будет достигнута N , и тогда достигается стабильное состояние с с нулевыми сбережениями и нулевым ростом, но с положительной предельной отдачей от инвестиций. В этом случае общественные предпочтения уклонения достаточно сильны для того, чтобы привести к прекращению сбережений за счет принесения в жертву некоторого потребления будущих поколений.¹⁶

Таким образом, эта модель может прийти к тем же результатам, что и модель Роулза, – к ситуации стабильности с нулевым уровнем сбережений. Как только мы окажемся здесь, применяется принцип разности и каждое последующее поколение не повышает благосостояние по сравнению с предшествующим (pp. 288–293). Рассмотрение выбора норм сбережений в процессе движения к этому стабильному состоянию, кажется, более подходит данной концепции теории справедливых общественных альтернатив, чем в концепции Роулза.

IV. ДАЛЬНЕЙШЕЕ СРАВНЕНИЕ: ЭВОЛЮЦИЯ СПРАВЕДЛИВОГО ОБЩЕСТВА

В некоторых случаях Роулз предполагает, что развитие справедливого общества есть эволюционный процесс, требующий повышения уровня экономической активности по крайней мере до некоторого уровня. Это наиболее ясно высказано в следующем отрывке.

Предположение состоит в том что если люди в исходном положении допустят, что все их основные свободы могут быть эффективно реализованы, они не обменяют сокращение свободы на

¹⁶ Возможно также, что граждане могут быть более несклонными к риску при очень низких и очень высоких уровнях дохода, как это предположено ранее. Например, кривые безразличия становятся более выпуклыми по мере удаления от начала координат. Однако в ранние периоды это не влияет на решения в отношении сбережений, даже если осуществляется равновероятностное усреднение предпочтений в отношении риска всех поколений. Что важно, так это форма карты временного предпочтения каждого поколения *в том районе, где осуществляется выбор.*

улучшение своего экономического благосостояния, по крайней мере в том случае, если они достигли определенного уровня богатства. Только тогда, когда общественные условия (т. е. уровень экономического развития) не позволяют добиться эффективного осуществления этих прав, человек может допускать их ограничение. Отрицание равной свободы может быть принято, только если существует необходимость повысить качество цивилизации, с тем чтобы все могли должным образом пользоваться равными свободами. Лексическое упорядочение двух этих принципов есть долгосрочная тенденция в общей концепции справедливости, которой последовательно добиваются при достаточно благоприятных условиях. В конце концов в истории упорядоченного общества наступает такое время, после которого в силу вступает особая форма этих двух принципов, которая с тех пор и имеет место.¹⁷

Хотя в этом отрывке Роулз предполагает постепенный переход от общей концепции к специальной, при которой первый принцип обретает возрастающий приоритет по сравнению со вторым, в этой теории нет ничего, что бы описывало или объясняло этот переход. Представленная здесь теория может объяснить этот переход в строгих экономических терминах, если считать, что свобода есть, в сущности, предмет роскоши. По мере того как растет общественное богатство, некто может легко представить, как оно придает все больший и больший приоритет свободе по сравнению с экономической выгодой, и в некотором предельном случае одобряет лексикографическое упорядочение принципов, управляющих свободой и распределением. Пока такое состояние не достигнуто, рациональное общество, подобно рациональному индивиду, может желать установления некоторых компромиссов между свободой и богатством.

Примерно таким же образом утилитаристский контракт дает правдоподобное объяснение обстоятельству, при которых более эгалитарное распределение дохода, подразумеваемое принципом разности, будет иметь место. Случайное наблюдение подсказывает, что как индивидуально, так и коллективно менее желают брать на себя риски (по крайней мере основные) при доходе на уровне прожиточного минимума и при относительно высоком доходе. В прежней ситуации причина, по которой эгалитарное распределение дохода могло появиться как следствие значитель-

¹⁷ Р. 542. См. также р. 503.

ной несклонности к риску, просто состояла в том, что критерий принятия решения, подобный максиминному, может быть благоразумным там, где отвергнутые альтернативы имеют последствия, с которыми трудно смириться (третье роулзианское обоснование принципа разности), т. е. если некто окажется ниже прожиточного минимума, то он умирает. Таким образом, эгалитарное распределение дохода в соответствии с принципом разности может быть вполне рациональным конституционным выбором для обществ с доходом, близким к минимальному.¹⁸

Промежуточную стадию конституционного выбора в отношении распределения дохода можно предвидеть там, где общество выбирает утилитаристский принцип распределения посредством максимизации среднего экономического благосостояния населения. Тем не менее то же самое общество может плавно вернуться к эгалитарному распределению дохода, подразумеваемому принципом разности, в качестве составляющей конституционного процесса, хотя по другой причине, чем в случае с прожиточным минимумом.

Такая последовательность будет включать принятие все большего и большего количества перераспределительных мер по мере того, как растет уровень жизни в обществе, пока наконец не сложится эгалитарная структура, подразумеваемая принципом разности. (В терминах примера с азартной игрой, представленного в разделе I, *относительная* величина дохода, которую индивид согласен был бы заплатить за участие в игре, снижалась бы в направлении нуля по мере роста его дохода.) Возвращаясь к трем роулзианским обоснованиям принципа разности, можно увидеть, что второе обоснование правдоподобно в богатом обществе. Для более богатого человека выгоды в виде полезности могут быть достаточно малы, так что их можно игнорировать и только положение самого бедного принимается во внимание. В результате безопасность становится предметом роскоши в богатом об-

¹⁸ Великолепным примером такого рода поведения в обществах с низким доходом является эгалитарное и диверсифицированное распределение земли среди крепостных в англо-саксонской Англии. Эдвард Митчелл (Edward Mitchell) трактует этот процесс как реакцию на сельскохозяйственные риски в «Крепостничестве в англо-саксонской Англии: экономический анализ» ('Serfdom in Anglo-Saxon England: An Economic Analysis'), mimeографировано в 1972.

ществе. Аналогично когда общество достигает достаточно высокого уровня жизни, уже не требуется брать на себя никаких дополнительных рисков для повышения уровня жизни будущих поколений и сбережения могут упасть до нуля.

Помещенный в этот контекст роулзианский принцип разности может быть применен к различным стадиям развития общества. В такие периоды институты, выбираемые утилитаристским контрактом, могли быть подобными тем, что предполагаются теорией Роулза. Например, в случае принятых здесь поведенческих допущений две теории приходят к одинаковым результатам как при низком, так и при высоком уровне дохода. При такой интерпретации главным преимуществом подхода, основанного на утилитаристском контракте, являются его более общий характер и способность обеспечивать нормативные выводы на всех стадиях конституционного выбора.

V. ИНФОРМАЦИЯ И МОРАЛЬ

Как подчеркивалось ранее, давая определение исходного положения, Роулз ставит своей целью гарантировать, что «желаемое решение» найдено (р.141), Конкретнее, он хочет вывести набор «основных принципов... способных неизменно служить общественной хартией упорядоченного общества» (р. 131, также см.: pp. 137, 139), набор, который не будет «искажаться произвольными случайностями» (р. 141). И также полагает, что «необходимо... не допустить возможности избранным принципам зависеть от индивидуального отношения к риску» (р. 172).

Существует ряд альтернативных определений степени информированности и мысленного эксперимента в исходном положении, которые также обладают притягательными свойствами.

Если счесть аргументацию, приводимую в этой статье, достаточно веской, то окажется, что роулзианские предположения относительно доступной в исходном положении информации недостаточны для подтверждения основных составляющих его теории: двух принципов справедливости и их лексикографического упорядочивания. Если эта точка зрения принимается, то затем можно поставить вопрос об остающихся относительных преимуществах иных предположений о доступной в исходном положении информации. В противоположность тому, чем это может показаться, требование о том, чтобы люди не располагали инфор-

мацией в исходном положении, навязывает более строгие рамки на договорную модель, чем позволение им обладать полной информацией о будущем. Каждый индивид изначально обладает большим объемом знаний о себе и обществе. Ему известны его собственные вкусы, возраст, раса, пол, вероятный будущий доход и богатство и т. д. Главное для него препятствие к превращению в участника общественного договора кроется в требовании забыть эту информацию и принимать решения, как если бы он не знал своей расы, дохода и т. д. Чем больше информации надо забыть, тем более сложным становится мысленный эксперимент, который индивид должен провести, и тем менее вероятным становится соответствие теории. Утилитаристский контракт в этом отношении лучше, так как он предъявляет минимум требований к индивиду, которые необходимы, чтобы обеспечить беспристрастность и единодушие в исходном положении. Индивид может обладать всей возможной информацией *общего* характера, которая только доступна, только отвергается обладание информацией, касающейся его самого и его будущего положения.

Нужно подчеркнуть, что обсуждаемые в начале статьи предположения о том, что каждый индивид обладает полной информацией о вкусах, доходах и прочих характеристиках населения, не требуются для обоснования применения утилитаристского контракта. Они служат лишь для прояснения типа мысленного эксперимента, совершаемого индивидом в этой альтернативной теории. Вместо этого можно предположить, что доступна только очень обобщенная информация о состоянии экономического развития: средний доход на душу населения, распределение дохода. Это все еще может позволить расчеты вероятностей иметь данный уровень дохода и применимости этой модели. Таким образом, если 5 % населения заработали менее \$2000, то при определенном наборе институтов некто может предположить, что его шансы заработать меньше \$2000 составят 5 из 100 при этих институтах.

Подобным образом можно рассмотреть и вкусы. Несмотря на то что некто не может знать вкусы каждого, но он может знать, что некоторые люди консервативны, некоторые более умеренные, а некоторые – радикалы; некоторые являются гедонистами, а другие – стойками и т. д. Некто также может быть способен сформулировать какие-то субъективные оценки вероятностей возможности быть каждым из них и использовать их для оценки различных общественных состояний.

Вопрос о том, следует ли использовать коэффициенты полезности или коэффициенты товаров первой необходимости, может быть рассмотрен подобным же образом. Очевидно, что величина человеческого удовлетворения, получаемая от буханки хлеба, различна для каждого индивида. Если бы некто обладал методом определения реальных полезностей индивидов от каждого набора товаров и сравнения их, это очевидно было бы лучше простого сравнения наборов. Однако, поскольку никто не обладает такой информацией, на практике приходится иметь дело с более объективными заменителями для уровней полезности, такими как действительные наборы товаров или их долларовые эквиваленты. Применяя эту модель, в расчетах можно легко заменить коэффициенты полезности на коэффициенты товаров первой необходимости (см. Роулз, pp. 90–95).¹⁹

Следует подчеркнуть, что если доступна только недостаточная информация для очень субъективных оценок вероятности, то все еще возможно применять общий подход, предлагаемый максимизацией ожидаемой полезности. Все возможные состояния могут быть оценены и из них выбрано лучшее с помощью правила решения для оценки неопределенных исходов, т. е. композитного правила решения всех граждан. Оно не может быть максиминным правилом. Как замечено выше, отсутствие информации о вероятностях не является достаточным для обоснования максимина. Существенное достоинство утилитаристского контракта все еще сохраняется: все возможные общественные положения могут быть оценены и сравнены и выбраны оптимальные. Никакие состояния не исключаются согласно допущению. Чем больше информации общего характера доступно в исходном положении, тем ближе набор выбранных институтов к тому, что-

¹⁹ Михаэль Тейтельман (Michael Teitelman) возражает против роулианского использования концепции первичных благ на том основании, что определение того, какие блага являются первичными, а какие – не первичными, зависит от культурных факторов и, таким образом, не может быть сделано в исходном положении, в котором нет никаких конкретных знаний о культуре. Эта критика не применима к нашей модели, в которой каждый индивид должен был бы оценить каждый общесвенный догвор и конституцию, используя функции полезности, которые, согласно его ожиданиям, будут иметь место при каждой культуре. 'The Limits of Individualism', *The Journal of Philosophy* 69 (October 5, 1972), 545–556.

бы отвечать предпочтениям *всех* людей. Однако правило выбора может применяться и в случае несовершенной информации.

Хотя большинство версий утилитаристского контракта требует, чтобы индивидуум скрывал минимальный объем знаний, необходимый для достижения беспристрастности и единодушия, многим все еще может казаться, что он требует от людей участия в умозрительном эксперименте, требующем от них невозможного. Никто не может представить себя на месте другого. Такая проблема неотступно преследует все модели, требующие мысленного эксперимента в форме сочувствия или равных этических весов для каждого. Это означает, что даже там, где люди пытаются проводить эксперимент, отсутствуют механизмы, которые гарантировали бы единодушие. Даже группа убежденных кантианцев может не прийти к согласию относительно концепции общего блага.

Существуют различные примеры, говорящие о том, что полное соответствие взглядов, касающихся этических весов, может быть недостижимо. Мы обсудили выше патаньяковский пример разногласия в отношениях к риску и показали, как повторяющееся усреднение индивидуальных функций риска может привести к единодушному соглашению. Повторяющееся усреднение как средство достижения единодушия было ранее предложено Викри и Мюллером.²⁰ Однако, как также показано выше, повторяющееся усреднение при наличии только одного максиминного индивида, несклонного к риску, выразится в том, что его индивидуальный выбор складывается как общественный выбор независимо от предпочтений всех прочих.²¹ Возможность доминирования предпочтения одного индивида над исходом поднимает серьезный вопрос о пригодности метода повторяющегося усреднения. Обоснование первого цикла усреднения вполне очевидно. Это представляет собой перенесение мысленного эксперимента с каждого индивида на всех членов общества, когда каждый ставит себя на место каждого другого индивида. Однако поведенческое истолкование дальнейших циклов усреднения не столь очевидно.

²⁰ См. W. Vickery 'Utility, Strategy, and Social Decision Rules', *Quarterly Journal of Economics* 74 (November 1960), 507–535, и Dennis C. Mueller, 'Constitutional Democracy and Social Welfare', *Quarterly Journal of Economics* 87 (February 1973).

²¹ Мы игнорируем возможность существования максимаксера, поворачивающего процесс в другом направлении.

Сомнительно также, что члены группы воспринимали бы как честное или справедливое любое правило выбора, которое позволяет позиции одного индивида в такой степени определять исход.²² Таким образом, проблема достижения единодушного соглашения относительно набора весов, которые следует придать предпочтениям в отношении риска каждого индивида, может все еще оставаться в рамках утилитаристского контракта.

Другим очевидным примером могло бы быть разногласие среди принимающих конституцию относительно набора этических весов для будущих поколений. Непосредственное применение утилитаристской процедуры придало бы равные веса каждому поколению. Роулз, однако, придал бы более высокий вес следующему поколению из родительской привязанности. Кто-то другой, не будучи в состоянии полностью игнорировать осознание того, что он принадлежит современному поколению, мог бы придавать ему больший вес. Черные и белые могут не расходиться относительно весов, которые следует придать будущему потреблению этих расовых групп, и т. д. Главный момент заключается в том, что полное соответствие взглядов может быть невозможным по причине индивидуальных различий в способностях включиться в мысленный эксперимент, необходимый для достижения единодушия.²³

Как только осознана трудность достижения единодушия в исходном положении, становятся важными практически методы минимизации различий и достижения однородности взглядов. Главное требование заключается в том, чтобы установить институциональные структуры, в которых принимающие решения не несут ответственности за решение вопросов, которые имеют значительное кратковременное воздействие на них самих. Можно рассмотреть много различных институциональных инструментов для достижения беспристрастности. Делегаты конституционного собрания могут быть выбраны из стариков (как это делается во многих индейских обществах), из другого сообщества

²² Vickerey, *op. cit.*, признает наличие этой проблемы в усреднении с тем, чтобы избежать случая, где имеется столько же функций общественного благосостояния, сколько индивидов. См. W. Vickerey, 'Utility, Strategy and Social Decision Rules', *Quarterly Journal of Economics* 74 (November 1960) 507–535.

²³ См. J. M. Buchanan and G. Tullock, *The Calculus of Consent*, Michigan, 1962, где приводятся те же аргументы.

или методом случайной выборкой из населения.²⁴ Некоторые решения могут быть приняты при условии, что они будут превращены в жизнь не раньше, чем, скажем, через 25 лет. Другие могут быть возложены на беспристрастный набор процедур, возможно, реализуемых компьютером. Если единодушие было бы все еще не достигнуто, можно было бы предусмотреть более решительные шаги. Так, множество решений могло бы быть разделено на подмножества, в которых единодушие оказалось бы возможным, и подмножества, в которых оно невозможно. Общественные договоры и конституции могли бы иметь место для одного подмножества, но не для другого.²⁵

²⁴ См. наше: 'Representative Democracy by Random Selection', *Public Choice*, Spring 1972 для дальнейшего обсуждения вопроса.

²⁵ Примером практической процедуры явилось бы определение предлагаемой степени прогрессивности подоходного налога просто путем взятия средних предпочтений незаинтересованности индивида на основе «один человек – один голос», а затем представление сообществу этого исхода для голосования по принципу «да-нет». По-видимому, там, где наиболее желательные для индивидов исходы не слишком расходятся с определенной таким образом структурой налогов, они голосовали бы за это предложение на данном этапе. Там, где некоторые индивиды настолько не приемлют предложение, что предпочитают голосовать против него, всерьез следует рассмотреть отделение и образование нового государства.

Если далее следовать этой идее, то самой мягкой контрактарианской процедурой было бы определить опытным путем исходы по всем главным вопросам на основе правила большинства для тех из них, что требуют ответа «да-нет», и использовать среднюю взвешенную результатов голосования по принципу «один человек – один голос» там, где вопросы определены в непрерывных терминах (*continuous terms*). (Примером различия между вопросами типа «да-нет» и вопросами в непрерывных терминах может быть следующее: иметь ли подходящий налог, и если да, то какая шкала прогрессии должна быть введена.) В этом случае весь пакет будет представлен сообществу граждан в качестве не подлежащего поправкам для голосования по принципу «да-нет». Мы полагаем, что есть серьезные основания для принятия конституции на утилитаристско-контрактарианских основах там, где значительное большинство согласится с конституционным пакетом и стоимость выхода и образования нового государства либо перехода в другое не будет чрезмерной. С другой стороны, там, где выход невозможен или слишком дорог, следует уделить больше внимания вопросу использования этой процедуры для совершения конституционного выбора.

Как обществоведов, нас касаются именно эти процессы. Следовательно, в процессе разработки утилитаристского контракта, мы задействовали такой набор поведенческих допущений о индивидах в исходном положении, который наиболее близок к реальности и тем не менее сохраняет главные характеристики роулзианского контракта: беспристрастность и единодушие. Поступая таким образом, мы минимизировали проблему согласия, хотя и ценой поддержки общественного договора, конституции и других институтов коллективного выбора, которые были бы более тесно связаны с *общей* информацией, касающейся вкусов, предпочтений в отношении к риску, экономического и социального развития и т. д., имеющихся в каждый момент.

В противоположность этому, Роулз, философ-моралист, заинтересован в выведении набора этических принципов, которые ясны, просты и постоянны. Именно такую природу имеют два его принципа справедливости. Пытаясь обосновать эти принципы, он налагает строгие ограничения на условия, определяющие исходное положение. Расширяя таким образом брешь между «должен» и «может», он увеличивает вероятность несогласия и риск увести свою теорию в область не достигающей цели моральной и политической философии. Это вызывает сожаление, поскольку одним из по-настоящему важных свойств подхода к справедливости как честности является его потенциал влияния на действительный процесс общественного и политического институционального развития.²⁶

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Позвольте в заключение подчеркнуть тот факт, что между роулзианским и утилитаристским контрактами есть куда больше сходств, чем различий. В своей опоре на справедливость как на честность и беспристрастность, контрактариансткий подход, роль неведения конкретных индивидуальных характеристик в исходном положении, основные допущения об эгоизме, рационализме и благожелательности, и т. п. эти два подхода по существу идентичны. Мы рассматриваем утилитаристский контракт

²⁶ Джеймс М. Бьюкенен (James M. Buchanan) приводит подобные аргументы в его обзоре книги Роулза в *Public Choice* (в печати).

как мост, соединяющий чистые или наивные утилитаристские теории, воплощенные в принципе средней полезности, и контрактарианские теории Роулза, Руссо и Канта.²⁷ Он утилитарен в том, что основывается на коэффициентах полезности (хотя они несущественны) и ищет выбор, дающий максимум для всех индивидов, хотя и не простую среднюю. Однако он контрактарианский в осуществлении оптимального выбора при единодушном согласии всех сторон в исходном положении. Так, одновременно с применением коэффициентов полезности он удовлетворяет основному требованию контрактарианского подхода, гарантируя, что ничьи интересы не могут быть игнорированы всеобщими общественными договоренностями – допускается только то, что свободно примут люди, ведущие себя рационально и преследующие свое собственные интересы.²⁸

²⁷ В этом триумвирате Роулз приближается к утилитаризму ближе, чем он, возможно, допускает. См. Lyons, 'Rawls Versus Utilitarianism'.

²⁸ Michael Lessnoff, 'John Rawls' Theory of Justice', *Political Studies* 19 (March 1971), 63–80. По определению Лесноффа, наша теория контрактарианская, а не утилитаристская.